

Новости литературы и журналистики с. 3. *Генерал в маск.* 27033 с. 3. *Ритаре, рассказы А. Д. Герова*

описание этих отношений во „натуральности“ превосходить натуралистов. Писателей, производящих подобные экскурсии, конечно, очень много; один из них падает на этот свой специальность; литературная фикция других имеет несколько более сложный характер вследствие одновременного существования нмх чести. По какой-то странной воле судьбы многие из них — нистики: не нмх таланты Поль Верлена, они повторяют его эпитафию, его переводы от нистического эпитафию к самой разнузданной чувственности, его католическая нистическая нистическая с гнилами по адресу физической любви. В эту группу можно было бы занести чуть не половину разбираемых Рени-де-Гурмона писателей; к ним можно причислить Ребелла, Жана Лоррена, Альбера Орье, до известной степени Жана Риктиса и др. Но эта сторона деятельности новых писателей представляется мало интересна. Гораздо интереснее новая группа писателей, к которым всего справедливее предложить название моралистов. Каким образом движение, принятое из-за служения чистой правоте, создало такую массу писателей, разбравших отношения людей друг к другу, занимающихся нравственными вопросами, проповедующих и обличающих, — это будет понятно из знакомства с теми нравственными истинами, которые выставляются этими проповедниками на своем знамени. К тому же призыв к отречению от прежнего нистического желания новым необходимо ведет к зашпению оставшегося нистического нистического содержания. В данном случае это содержание вполне совпадает с общей фиксацией разбираемых писателей. Впрочем, понять причины, побуждающие некоторых из разбираемых писателей проповедывать, не всегда возможно. Например, из эпитафий Рени-де-Гурмона, немалое количество, в честь заключается нравственность, исповедуемая Леонам Блоа. Он пророк и моралист; он преследует противников и проповедует „нистическую“; но в честь заключается истина, при самом внимательном чтении посвященного ему эпитафии постичь нельзя. Его нападения

и обличения нельзя сравнить ни с бичеванием, ни с казнями, ни с грозами; единственный орудий, по словам Рени-де-Гурмона, является для него метла. На своих противников он смотрит, как на нечто грязное, как на навоз, который следует вынести, и с восторгом принимает он на себя обязанности ассенизатора. Он пишет „Causerie sur quelques chagognes (Разговор о нистической падали)“, употребляя самые сильные выражения, самую отборную брань, которая едва ли может служить надежным средством „для омовения от натуралистической грязи“. Таким же мало-надежным средством для этого является склонность к снакованию чувственных излишеств. Вистический эпитафия — нистик, он стремится к абсолютному, к глубокому покою на дне полчищной безбрежности“ и т. д. Идея других писателей об отношении людей друг к другу, не принимая того боевого характера, который нмх у Леона Блоа, в то же время более ясны. Вот, например, Юг Ребелль. Как служитель искусства, как человек, способный размышлять над дѣлами мира, он выделяется себя от толпы. Он чувствует свое одиночество, но не тяготится им. Пессимизм, недовольство, разочарование — все это vieux jeu, все это надо отбросить потому что главным стремлением все-таки должна быть познания. Ребелль замыкается в аристократическую изолированность человека, довольного существованием и презирающего толпу. Основная тема его „Chants de la pluie et du soleil“, так же как других его произведений, — радость жизнью человека свободного, гордого, исполняющего свое предназначение в любви, в красоте и пользовании чувственными удовольствиями. Вдникает, „которые сбиты с толку глубинными рѣками и наставлениями“, он проповедует „простую радость чувствовать себя добрым животным“. Всем и всюду он проповедует радость, и „наиболее насущной обязанностью теперь признает излечение больных виноградников и восстановление виноградников разрушенных“ для того, чтобы опьянить всю Францию. Продукты его воображения несколько ту-

манши, но свобода правоты нмх в них полная, и экскурсии в область чувственности оставляют позади многое из того, что писалось авторами, забрасывавшими своих читателей „натуралистической грязью“.

Но все это, так сказать, платоническая проповедь, не нмхтая определеннаго практического значения. Сколько бы ни советовал Ребелль „доброму животному“ радоваться своему существованию, можно быть уверенным, что совет его не будет исполнен, так же как не будет приведен в исполнение его проект относительно опьянения всей Францией. Между моралистами нового направления существуют такие, проповедь которых не замыкается в теоретическую рамку, а проникает в жизнь, дѣйствует призраком, создает целую группу (если не целое поколение) подражателей, потому что в большинстве случаев она вполне отвечает стремлению буржуазной Франции. Первое место среди этих проповедников должно быть безусловно предоставлено Морису Барресу. Личность, идеи, жизненная карьера последнего до такой степени интересны и характерны для переживаемого Францией момента, что на нем стоит остановиться поподробнее.

Морис Баррес выступил в литературе более десяти лет назад; заглядывая в будущее, он смиренно предсказывал себе тогда незамѣтную смерть в какой-нибудь больнице, но употребил все средства и направлял все усилия к тому, чтобы жизнь его протекала как можно более замѣтно. Вскорѣ послѣ первых литературных опытов он сдѣлался уже известным среди молодых читателей как проповедник индивидуализма. Он создал (или по крайней мѣрѣ сдѣлал все, чтобы возродить) культ своего я. В вышедшей недавно книгѣ Пелисье „Etudes de littérature contemporaine“ так резюмируется учение Барреса. Он провозглашал, что первая обязанность индивидуума заключается в томъ, чтобы развить силы и проявить себя. С спокойным цинизмом отрицал он всякое подчинение единицы группѣ, отвергал всякую общественную дисциплину, всякое

бенефиса г. Горева), театрикъ былъ со-

всѣхъ правительственныхъ войска могутъ быть

правило, могущее стѣснить дѣйствіи индивидуальной энергіи. По его мнѣнію, „эго-тизмъ“, теоретикомъ котораго онъ выступи- лись, долженъ былъ произвести какое-то лихорадочное возбужденіе наклонностей и чувствъ и сдѣлать человека болѣе спо- собнымъ пользоваться радостями міра. Весь міръ ему казался матеріаломъ для его собственнаго наслажденія. Онъ заяв- лялъ о своемъ желаніи жить для себя и въ я другихъ видѣлъ только средство для удовлетворенія своего собственнаго я. Къ той характеристикѣ, которую даетъ Пелисье, надо прибавить еще нѣсколько чертъ. Подобно Ребелю, Морисъ Баррессъ смотрѣлъ на толпу какъ на животныхъ или какъ на варваровъ; по, будучи болѣе благоразумнѣе и болѣе практиченъ, чѣмъ другіе, онъ не давалъ совѣта животнымъ радоваться тому, что они „добрыя живот- ные“. Культъ личности онъ понималъ во- все не такъ, какъ понимаетъ его, напри- мѣръ, докторъ Штокманнъ у Ибсена. Для Мориса Барреса „быть въ полношъ обла- даніи своимъ я“ значило не пренебре- гать никакими средствами для того, что- бы добиться жизненныхъ благъ, бо- гатства, всеобщаго уваженія, славы. Онъ проповѣдывалъ карьеризмъ или „*Aggrivisme*“, какъ говорятъ „варвары“. Этихъ варваровъ надо было не бранить, не уговаривать остаться въ своемъ полу- животномъ состояніи, а обольщать, со- блазнить, лстия ихъ вкусамъ и слѣдуя наи- болѣе имѣющему шансовъ на успѣхъ теченію. Первая же попытка, которую онъ сдѣлалъ для приложенія своихъ теорій на практикѣ, увѣнчалась полными успѣхомъ. Не имѣя никакого желанія поддерживать генерала Буланже и совершенно равно- душно относясь къ политикѣ, онъ при- нялъ участіе въ избирательной борьбѣ въ самый разгаръ буланжизма. Полное обла- даніе своимъ я и свободу отъ теорети- ческихъ стѣсненій онъ выразилъ въ томъ, что сдѣлался жаркимъ защитникомъ бра- ваго генерала. Моментъ былъ выбранъ удачно: далекій отъ политики и равно- душный къ буланжистскимъ успѣхамъ, Мо- рисъ Баррессъ былъ избранъ депутатомъ. Затѣмъ звѣзда Буланже стала быстро клониться къ закату; это было ясно даже

для менѣе умныхъ людей, чѣмъ Баррессъ, и также ясно было, что „хвататься за колесо, когда оно катится подъ гору“ (какъ говорить шутъ въ „Королѣ Лирѣ“), неблагоразумно. Новый депутатъ быстро переѣхалъ фронтъ и отстранился отъ всякой связи съ буланжизмомъ. Въ газе- тахъ какъ-то намъ не приходилось обра- щать вниманіе на то, къ чему клонится теперь политическія „симпатіи“ Барреса. Но такъ какъ съ открытымъ отрицаніемъ проповѣдывавшагося имъ прежде ученія онъ еще не выступалъ, то надо думать, что нѣсколько времени назадъ онъ кри- чалъ громче другихъ „*Vive Esterhazy! Conspuez Zola!*“, теперь кричать „*A bas le uhlan!*“, а черезъ нѣсколько времени бу- детъ съ такой же энергіей насмѣхаться надъ *chose jugée* и требовать пересмот- ра. Все зависитъ отъ того, какія теченія окажутся преобладающими.

Легко понять, что такая увлекатель- ная и вполне опредѣленная проповѣдь, увѣнчавшаяся кромя того такими блестя- щими практическими результатами, нашла массу учениковъ и послѣдователей. Культъ „моего я“ привился, распространился сре- ди подготовленной къ его воспріятію молодежи и пустилъ глубокіе корни. Морисъ Баррессъ приобрѣлъ прочную славу; его тео- ретическія воззрѣнія, такъ же какъ романы, ихъ дополнявшіе, читались и оцѣнивались благодарными учениками. Въ послѣднее время онъ выступилъ съ романомъ „*Les déracinés*“, являющимся первой книгой въ предположенной трилогіи; вторую часть этой трилогіи долженъ составлять романъ „*L'appel au soldat*“, а третью „*L'appel au juge*“. „*Les déracinés*“ показываетъ но- вую и на этотъ разъ странную эволюцію въ развитіи автора. Въ романѣ прово- дятся два тезиса: одинъ направленъ про- тивъ индивидуализма, другой противъ клас- сическаго духа обобщеній. Морисъ Баррессъ въ качествѣ противника индивидуализма— явленіе странное и пока трудно-объяснимое. Но нѣтъ никакихъ сомнѣній, что причины этой переѣны взглядовъ настолько же просты, какъ превращеніе индифферентна- го къ политическимъ вопросамъ литерато- ра въ яраго буланжиста или переѣна буланжистскихъ взглядовъ на болѣе совре-

менны. Все имѣетъ основной причиной правило, высказанное въ первыхъ параграфахъ его нравственнаго кодекса: „вполнѣ предоставлять себя измѣненіямъ жиющаго наступить момента“.

Ученикомъ Барреса является Камилль Моклеръ. Подобно своему учителю, онъ обладаетъ способностью превращать вещи въ предметы, которые можно использовать немедленно. Онъ касается всего и изъ всего извлекаетъ пользу. Къ несчастію для него, онъ не имѣетъ такого развитаго чутья, какъ Морисъ Барресъ, и потому приходитъ къ цѣли поздне. Къ тому же онъ отдѣляетъ слишкомъ большое мѣсто культу чувственности, кура финиансъ сладострастію и заявляя, что послѣднее „на столько богато грезами, что оно достигаетъ идеальной чистоты“. Тѣмъ не менѣе и онъ выступаетъ съ болѣе успѣхомъ въ качествѣ учителя молодежи, проповѣдующаго искусство пользоваться моментомъ.

Близко подходит къ нимъ и Марсель Швабъ, въ психологіи котораго Реми-де-Гурмонъ видитъ точное выраженіе психологіи цѣлаго поколѣнія. Въ немъ болѣе, можетъ-быть, ярко, чѣмъ въ другихъ, проявляется вкусъ къ „эстетической морали“, къ пониманію жизни какъ совокупности отдѣльных моментовъ, къ заключенію вѣчнаго въ предѣлы настоящаго часа, къ свободѣ, не заботящейся о нѣли. Какое дѣло до того, куда направляется судно, лишь бы на пути оно не потерпѣло крушенія, таковы его эстетическія теоріи и такова его общественная мораль.

Книга Реми-де-Гурмона даетъ возможность познакомиться и съ нѣкоторыми другими портретами современныхъ писателей, но каждый изъ нихъ стоитъ болѣе или менѣе отдѣльно, не позволяя включить себя въ группу и не характеризуя собой литературнаго или общественнаго теченія. Наиболѣе же характернымъ явленіемъ для „молодой“ французской литературы представляется, повидимому, Морисъ Барресъ.

Въ русской литературѣ послѣднихъ дней (*Русская Мысль*, июль) слѣдуетъ отмѣтить появленіе разсказа А. П. Чехова „Человѣкъ въ футлярѣ“. Мы только-что познакомились съ откровеннымъ, смѣлымъ,

циничнымъ паразитомъ, какинъ является авторъ „Les dégacines“. Нашъ русскій авторъ также рисуетъ передъ нами фигурку паразита. И однако труднее сказать, которая изъ двухъ фигуръ можетъ оказать въ жизни болѣе тлетворное вліяніе.

Два охотника расположились на ночлегъ въ сараѣ и разговорились.

„Два мѣсяца тому назадъ, — началъ разсказывать одинъ, — умеръ у насъ въ городѣ нѣкто Бѣликовъ, учитель греческаго языка, мой товарищъ... Онъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ, и непременно въ тенюмъ, пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ стѣрой замши, и, когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы отпилить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехолчикѣ... Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ вѣтреннаго вліянія“.

Мысль свою Бѣликовъ также стремился спрятать въ футляръ, повторяя по поводу каждаго естественнаго движенія: „Какъ бы чего не вышло!“ Постоянно отстраняясь отъ жизни и замыкаясь въ футляръ, Бѣликовъ и на всѣхъ окружающихъ наводилъ мысль о возможности какаго-то возмездія. Подъ его вліяніемъ застывала мысль, являлась потребность въ футлярѣ. Чувствовалась боязнь, какъ бы изъ свободнаго слѣдованія своимъ чувствамъ чего не вышло. Жизнь Бѣликова прошла въ постоянномъ устраненіи отъ жизни, но его вліяніе на окружающихъ оказалось могущественнымъ и вреднымъ: развилась болѣзненная мнительность, стали бояться всего... грѣхъ повторить, знакомиться и т. п. Жизнь надолго была испорчена.

Suum cuique. Съ одной стороны циничныя заявленія о „полномъ предоставленіи себя требованіямъ наступающаго момента“, съ другой — человекъ въ футлярѣ. Кто лучше?

И-Т.

(И. И. ИГНАТОВЪ)